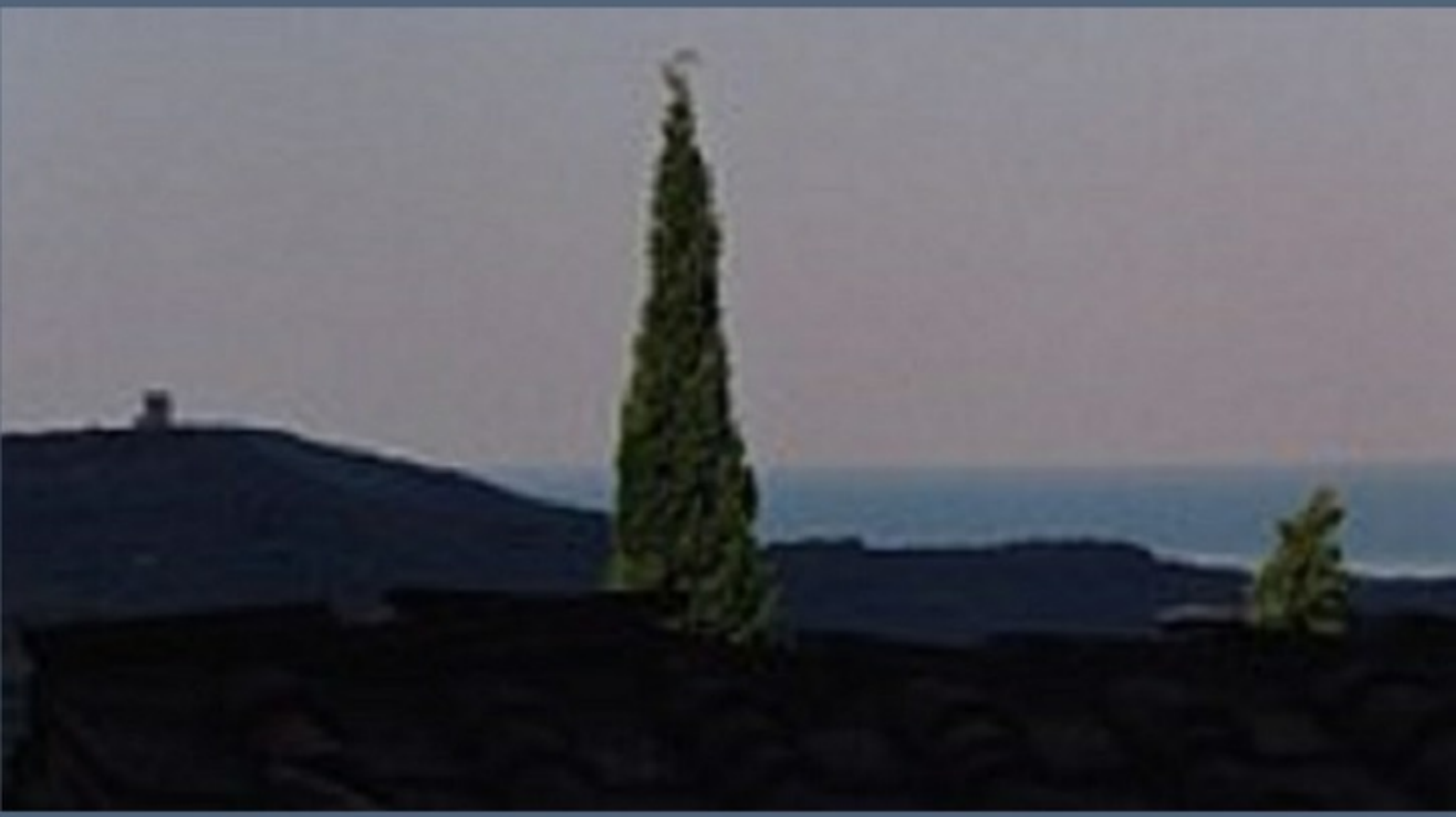
Александр Гранов



В ПРОВИНЦИИ У МОРЯ

Книга первая (1998–2014)

Александр Гранов

В провинции у моря. Книга первая (1998–2014)

«Издательские решения»

Гранов А.

В провинции у моря. Книга первая (1998–2014) / А. Гранов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855424-7

Творчество Александра Гранова своеобразная философия итога. Но этот итог не приговор человеческому несовершенству и порокам расе Homo sapiens, а искреннее стремление поделиться пережитым и осмысленным, ибо, как убежден поэт-философ, всё должно иметь смысл. Мировосприятие поэта столь же далеко от пессимистического абсурдизма, как и от примитивно-потребительского рационализма.

ISBN 978-5-44-855424-7

© Гранов А.
© Издательские решения

Содержание

Сборник 1998—2012 гг. 7
Без рубрики, или Нелокальность локальности 7
Нелокальность локальности 7
Пространство шепчет – любая уверенность зыбка… 8
Под крики горлиц… 9
Мы одинаковы в останочной красе… 11
Телефонный зуммер сотовомобильный 12
На 213 ДР Александра Сергеевича 12
О дельталете, который летал летом над Пицундой 13
Шафрановая схима 14
Да, перемены неизбежны… 15
На Ваганьковском в июле 16
Размышления о художественной росписи посуды… 16
Эмическое и этическое 17
О Царе в головах 18
Сладкая греза Чайковского 19
Смена Платоновского месяца 19
F63. 9 – номер любви в реестре заболеваний 23
Безумство, любовь… 23
У дев не параллельны ноги 23
Лучший друг человека не женщина – собака… 24
Как долго нас мучит агония страсти 24
Как сумо два борца на татами любим 25
Дорога на Орлиные скалы 26
Эхо Гумилевского Чада 27
Расширим горизонты до трех кур 28
Лорелея 28
С видом на Страсбург 30
Т. С 30
И гражданин, и поэт… 32
Дети межконфессиональных браков 32
Предолимпийская эклога 33
В преддверии зимней Олимпиады в Сочи 37
Пять колец пять петель удавок… 39
Один из круга выход – в небо, как воздушный змей! 40
Лев в цирке мяса ждет, а не оваций 41
Заметки старого вегетарианца 42
Мусоргский. Картинки с выставки 43
А рыж Чубайс иль светел… 43
Утром похмельным, с болью в затылке… 44
И эта лошадь пока в тумане 45
Пародистам! 46
Сонеты 47
Я чувствовал, что Слово есть 47
Эсхатологический ноктюрн 52
Радость буден… 58

Светлячки замигают маем 58
А в альбатросовом кружеве… 59
В пергамент уж почти отжившей кожи… 59
Чуть снежный иней на бутоне розы 60
Двойник… 60
Просто сонетик от лица дамы 61
Винегретно-морковочный сонетик в порядке экзерсиса 61
Все мы немного философы… 63
В чем человеческая суть 63
Из Жванецкого 64
В лабиринте 65
Игра в двадцать вопросов 65
Мое кантианство 66
Конец ознакомительного фрагмента. 68

В провинции у моря
Книга первая (1998—2014)

Александр Гранов

© Александр Гранов, 2017

ISBN 978-5-4485-5424-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник 1998—2012 гг.

Без рубрики, или Нелокальность локальности

Нелокальность локальности

Еще в 1935 году Эйнштейн, Подольский и Розен, пытаясь доказать неполноту описания мира квантовой теорией и тем самым опровергнуть ее, обратили внимание на свойство нелокальности квантовых систем и продемонстрировали наличие запутанных состояний пары квантовых частиц, принадлежащих одной системе.

Нелокальность в физике – это наличие таких областей в пространстве и времени, в которых не действуют известные нам физические законы. Наличие нелокальности в квантовом мире предполагает мгновенное действие на расстоянии

Шел беззвучный снег, убеляя буквы,
Серо – тусклых слов, что лились из буден.
Предвкушенье снов из ошибок прежних,
Отгоняло сон, чтоб позвать надежду…

Невелик сугроб, снег недолго сыпал,
Но бело округ, он затем и выпал,
Чтобы спектр дней из павлиньих сказок,
Обелить, омыть и окрасить разом…
Да, растает он, но зависнет в выси
Нелокальность снов, нелокальность мысли,
Чтоб шепча слова, теоремы Белла.
Постигали вмиг как реальна небыль!

Ночью выпал снег, это ж что-то значит,
Не всегда, порой, так светла удача,
Не всегда, порой, снег так бел и светел,
Жаль, что суть вещей лишь доступна детям.

Бросив рюкзачки, буквари, тетрадки,
Под заливный смех на портфелях катят.
Школа не уйдет, дети знают точно.
То, что надо знать, не получишь очно.

То, что надо знать, вроде бы и просто,
Но ответ дают только на вопросы,
Что над бездной тщет молчаливо виснут,
Что над бездной бед продвигают к мысли.

Шорох у ресниц, шум снежинок тише,
В белой пелене стерлись все границы.
В белой пелене все покрыто тайной,

Падает снежок. Леденеем, таем…

2012 г.

Пространство шепчет – любая уверенность зыбка…

Прямых девяностоградусная пересеченность,
Суммаугольность, стиснутая кубом,
Сосредоточенная неотвлеченность
Закованная ребробревенчатым срубом.

Кубометрами измеряются объемы шара,
Стоят в шеренгах владельцы извилин,
Распрямления ноющая усталость,
Когда никто ни пред кем, ни в чем не повинен…

Города – суть торжества прямой линии над кривой,
Но радость определена границей,
За горизонтом, за городскою чертой,
Меридианам на Полюсе надо слиться

А вот в каких кубометрах баранина облаков,
И откуда мерить, сверху ли, снизу…
Рука хватает ультрамариновый плов,
Извилины отторгают мысли про кризис.
Ведь не зря говорят, что вывозит всегда кривая,
В кривизне извилины сила мысли,
Посмотришь – график кривизною пугает,
Прямая ж на графике – смерть. Признак, что вышли,

Покинули тело силы его питающие,
И путь этих сил тоже, увы, не прям,
Душам из тел в кривизну улетающим,
Не избегнуть ни взлетов, ни падений ям.

Ощутивший Пространство осмыслит вульгарность прямой,
Она всегда обернется кривою.
Одному на смену другой приходит строй,
Левою шаг меньше, чем правою ногою.

Или наоборот, если смотришь в зеркальную гладь,
Постигая доказанности сути…
Но вместо них неприятная глазу рябь,
Непонятно складывающиеся судьбы.

И ничто не засчитывается, никакой порыв
Не приравнивается к абсолюту.
Нет прямой, есть конечность, отрезок, обрыв,

Труб органа объемность и нежность струн лютни…
А над оскалом прямой, клацающей примитивом,
Сплошной ритуально – этнический вой,
С монотонным, дымно – кадильным мотивом.
И защищающий этнос воюющий строй,

Или идею, требующую сожжения книг,
Ведьм, непокорных жен осмелившихся
Испытать вне брака любви настоящей миг,
Даже в тайных мечтах, неопосредованно.

Некогда спрашивало, затем отвечало одно
Радио, о том может ли, например,
Чукча править, как оленями, всей страной?
Так уж правил, не хуже, чем грузин изувер…

Или вот, в американских штатах благословенных,
Их же самокрещенными попами,
Еще недавно нигеры были скверной,
Ныне же все устои в Штатах попадали.

В доме белом – белом, построенном только для белых,
Вдруг обернулась прямая расизма,
Уже не кривой, а крушением веры,
И это явь, а не призраки коммунизма.

Рухнула аксиома о превосходстве белого
Над другими полутонами спектра,
А коль нет цветных, то правые, левые
Стоят у рулей разноголосья векторов.
И лишь Пространство – Время, в улыбке Перельмановой,
Шепчет, любая уверенность зыбка,
Что надо бы знать, за что кормят манною,
В чем главная собака зарыта – ошибка…

2009 г.

Под крики горлиц…

Предрассветность полумглистой печали,
Уже не сон в понимании ночи,
Под песни горлиц теней качание,
Тяжелей тела мысль ворочается.

А звуки горлиц скорее не песни,
Аккомпанемент идущего утра:
«Та дам там, та дам там»! Звучит предвестьем —
Не надейся, будет очень все трудно.

Ведь даже малость – вхождение в бодрость,
Требует горлицы со причастие,
Чтобы проснуться в кровати, вне одра,
Нужно везение, удача, счастье…
И понимание того, что во вне
Жизнь. За пределами твоего Эго.
Вереница, ряд нумерованных дней
Это не боль, не страданья, не нега.

Жизнь, это рожденное как молния
Меж двух противоположных зарядов,
Вспышкою жжет иллюзии о вольной
Жизни, независимой и вне стадной

Но альтернатива этой юдоли
Есть, хоть что-то в ней Перельмановое,
Зато в мыслях, принципах своих волен,
Не зависим от социумной манны.

Но там уже тел контакт невозможен,
Иных энергий пересечение,
Путь для избранных, не то, чтобы сложен,
Но на нем уже не до чьих – то мнений.

Лишь именуемое Святым Духом,
Станет во всем краеугольным камнем.
Слышит слышащий внечастотным слухом,
Что началом жизни звучит там «Амен».

А в утре: «Та дам там, та дам там» горлиц,
В бликах еще сокрытого мглой Солнца,
Кого-то бодрит, а кого-то горбит,
Отныне до Маяковского донца.

Были, есть ли, будут другие птицы,
Прямить свистом сознанье во Времени.
Путь прокладывать к постиженью Выси,
Коснув крылом, удалять прах бремени.

Чтоб от не внявших уйти, удалиться,
Оставив прах с ног вместо Слова мертвым,
Что жизнь уподобили гонке, блицу,
Скольжению с аквапарковой горки.

Так уж водится, что мертвые сами
Хоронят своих мертвецов. У Творца же
Все живы. Потому прощальный Амен
Не старт поминального эпатажа.

Возьмем похоронный марш у Шопена
Всего лишь часть вне контекста Сонаты
Фортепьянной, из части третьей тема.
Дуют ее в тубы, сделав утраты

Символом, аксиомой конечности.
Кто услышит за трубными звуками,
Что души стремятся к встречи с Вечностью.
Навсегда порвав с Земными муками…

В рассветной тиши: «Та дам там, та дам там»,
Ползут полутени по зыбким кустам
Сливаются в звук: «Та дам там, та дам ти»,
Чтоб душу под горлицу в Вечность ввести.

2011 г.

Мы одинаковы в останочной красе…

Всем сложат руки одинаково в гробу,
Сокроют крышкой озаренья блики.
Предав земле ошибки и улики,
Прокладывать к холму не поспешат тропу.

Как одинаковы глазницы в черепах,
Как отличить скелеты друг от друга,
И коль высокою была подруга,
Введет в ошибку червем выеденный пах.

Мы одинаковы в останочной красе,
Но что мешает здесь быть разноликим,
Не превращая радости в улики,
Самим перед собою быть всегда, везде…

Дана возможность здесь нам проявить себя,
Служа не идолу или кумиру,
Чтобы на одре расставаясь с миром,
Смирясь, его покинуть все и всех любя.

Что радостнее дара быть самим собой,
Не утешаться фигою в кармане,
Когда никто не предан, не обманут
И ты в согласии с своей земной судьбой.

Телефонный зуммер сотовомобильный

Телефонный зуммер сотово-мобильный,
Средь листвы весенней кенаром поет.
Перелетный странник, отмахавший мили,
Беспилотный вестник, чей-то страсти взлет.

Начинает тихо, исподволь, негромко,
Серой скромной птичкой, что в тиши ночи,
В контражуре лунном, среди теней ломких,
Вторит звезд дыханью трепетным – очнись…

Трепетным и скромным, пощадившим уши,
И, возможно, нервы, как уж повезет,
Тоненько, невзрачно… Кнопку жми и слушай,
Что судьба готовит и куда ведет.

За каким порогом, по каким порокам,
По каким ухабам, дней недолгих бег.
Сбудется ль все сразу иль по мелким крохам,
Гладкою дорогой иль тропой без вех…

И придут ли силы, чтобы сердце страстью,
До минут предсмертных билось и звало.
Кто-нибудь ответит, что такое счастье…
Это когда зуммер не приносит зло.

2009 г.

На 213 ДР Александра Сергеевича

Пушкин, но не в летном шлеме,
День шестой, шестой и месяц,
Только в веке двадцать первом,
Год двенадцатый струится…
И зачем-то, вдруг Венера
Свой проход вершит по диску
Греющего нас Светила,
С безразличием конфорки…

И проход последний этот
В веке нынешнем и в нашей,
Не изложенной нормально,
Без утильных «быть и должен»,
Жизни или лишь попытки,
За пределами импринтов,

Ощутить тоннель свободы,
Что скорее всего нонсенс,
Просто, по определенью.
Как в тоннеле быть свободным,
Это доля лабиринта,
Свыше в нем заложен выбор.
Ничего, что надо носом
Натыкаться на ошибки.
Можно обвинить принесших
Векторы, хоть направленья
Оперевшись на импринты
Сами избирали, волю,
Всю свободу изъявленья,
Проявляя в лабиринте…

Но порою некто хитрый,
Под покровом ночи сапой,
Тихо, как колечко дыма,
Исчезает вдруг из жизни.
Вроде бы искусным словом
Убаюкан, успокоен,
Жил без тени суицида,
Оказался упокоен…

Александр Сергеич, здрасте,
Вам сегодня уже двести
И тринадцать лет за ними,
Вы-то точно не свалили!
Кстати, также вот шестого,
Пережив вас лет на сорок,
Деток ваших отчим помер,
Заменивший вас в постели…
Кто-то скажет, мол, случайность,
В том что в этот день родился,
А преемник умер в этот
День июньский благодатный.
Не имею зла к Ланскому,
Он взрастил Его потомство.
Интригует лишь случайность,
Нелокальностью интриги.

2012 г.

О дельталете, который летал летом над Пицундой

Не просто осень, а октябрь,
Дрожит разжиженным туманом,
Тоскою растворяя явь,

И обнажая лета драмы.

Стоит уныло дельталет,
Молчит мотор, поник пропеллер,
До лета отложили взлет,
Пред ним закрыли в небо двери.
Его удел покорно ждать,
Стоять и ждать, вздыхая часто,
Когда июня благодать,
Его одарит взлетным счастьем.

Да, здесь пока, увы, октябрь,
Дождинок капли, лужи, лужи…
На юг пернатая вся тварь,
Летит, чтоб убежать от стужи.

Летит, боясь прервать полет,
В движенье крепнет крыльев мышца.
Все двигаться должно вперед,
Чтоб не было застоя в мыслях.

Чтоб притяжение Земли,
Ее условности и тщеты,
Бессильны были для Любви,
Чтоб Неба обрести Заветы.

Чтоб силу обрести в Любви,
Чтоб Неба обрести Заветы.

2008 г.

Шафрановая схима

Век писчую уже сменил на комп,
Но я сливал в ночи, сливал украдкой,
Не в писчую сливал, сливал в тетрадку,
Скопившийся в душе досады ком.

Но как ни строй из черных литер цепь,
Как не старайся разорвать оковы,
При приближенье отступает цель,
А путь любой достаточно условен.

Спасенье в этом, видно, от потерь
Несбывшихся надежд, от тщет желаний…
Хоть говорят – стучи в любую дверь,
В паденье тоже есть очарованье.

Подарок затуманенных небес,
Шафрановый оттенок нищей схимы.
Ужель в служенье превратится стресс…
И для других в санньясе просто сгинем.

От охватившей сердце пустоты,
Сковавшей силы утомленной мышцы.
По чину эпитафия, цветы…
И все по кругу, будто только вышли,

Так, ненадолго, не захлопнув дверь,
Для тех кто следом, чтоб оставить доступ,
Придет. Вот точно, что придет Апрель,
А в нем Телец озвучит свою поступь.

На стыке с Маем заострит рога
И поразит не только сердце – душу,
Хор из Наббуко грянет под орган,
А мы сквозь слезы будем его слушать.

Под звуки Верди думать сквозь слезу,
Ее глотая, валерьянку к ночи,
За что судьба на нас имеет зуб
В прилично иудейской оболочке…

2011 г.

Да, перемены неизбежны…

Все перемены неизбежны.
От дефлорации до..лядства,
Своё диктует всем промежность,
Не действует в той зоне клятва.
Залога нет в паха (бной) сделке,
Плати по счету ли, Корану,
У всех..лядей одни проделки,
Секс не считается обманом.

Им надо это для здоровья,
Чтоб в тонусе держалась мышца,
С любовью можно, не с любовью,
Но чтоб вошло, а семя вышло.

И бесполезно искать «честных»,
Таких не создала природа,
С каким бы не тусилась блеском,
Раздвинет ноги под уродом.

И все понты – улыбки кротость,
Взгляд томный, нежный, тихий голос,
Застенчивость и даже скромность…
Ну не змея, а ужик, полоз.

Гадюки, а на вид блондинки —
Гидроперитом цвет меняют.
Их новый облик не картинка —
Блесна, ей губы продырявят,

Что раскатала жертва. Слюни,
Пустив аж до пупа и ниже…
Вот так мы жизнь свою и губим,
Топя надежды в..лядской жиже.

2011 г.

На Ваганьковском в июле

День был растянут как меха,
Гекзаметром Гомеровского слога,
Тянулась тоника разлитого стиха,
Чтоб изобилием истечь из рога.

Зной предобеденный вздохнул
И превратил в овалы циферблаты,
Ни дуновения, лишь отдаленный гул,
И звук валторны, словно стон из ада.

Над всем зависший эпилог
Моей ли, вашей уж прошедшей жизни,
Беззвучны гласные, из них не склеишь слог…
Лишь слышно черви приступили к тризне.

2005 г.

Размышления о художественной росписи посуды…

Скорее не пример, а так, пришло на ум,
Понять, кто кушает с какой тарелки,
Кто любит мисок глубину, кто с мелких
Все тянет в рот, чтоб сделать хрум…

И вот вопрос, нужны на ней цветочки, нет,
И как влияет на пищеваренье,
Художника – дизайнера творенье,
Вкуснее ль, например, омлет,

Когда положены яички на цветочки?!
Что чувствует, лежа в цветах, сосиска…
Когда красиво, кажется не близко,
Расчленение в кусочки.

А как с тем быть, что нож царапает листки,
Что нежатся в касаниях тумана,
В красивости обеденно – обманной…
Что делать, снова трем виски.
А может ту тарелку, вовсе, не на стол,
Пускай висит на стенке, как картина,
А вилки и ножи проносят мимо
И не столкнут ее на пол…

А если кружку Эсмарха разрисовать,
Что именуют в просторечье клизмой,
И что, что весь продукт заходит низом,
Зато какая благодать

Подставить чресла этой дивной красоте.
Пусть булькает спасительная влага,
Дерьмо все вымывая, словно драга…
Но вновь мешает мысль мечте.

Подумалось, вдруг нерадивый санитар,
Нестриженным ногтем попортит краску,
Сведет на нет дизайнерскую страстность,
И голый зад лишится чар…

Пусть лучше тоже встретит на стене конец,
Ну чем не парочка – тарелка, кружка…
Еще бы к ним каких подвесить кружев,
Случился полный бы звездец!!!

2010 г.

Эмическое и этическое

Простите, пардон, I am sorry,
Но рвутся из сердца вести!
Поэты пишут историю,
И ставят в ней всех на место.

Бунтарскую, придворную,
Любовную, с слезным флером,
Или набатно – церковную,
С угрюмо – немым укором.

Утром отшельник праведный,
К ночи любовник трепетный…
В сердце страстями сжигаемом,
Вечной войны отметины.

Драмы никем не считаны,
Победы как поражения,
Вечным гноятся триппером,
Недругов поношения.

Как будто бы кто-то знает,
Как надо на самом деле…
Как псалтирь, как кимвал играют,
Ведя Любовию к Вере.

Как якорный крест Надежды,
В подлунно – астральном блеске,
Вдруг грубого делает нежным,
Белит все черные вести.

Каждый в своей реальности,
Кротом в слепоте тоннельной,
Ждет, что концом бескрайностным,
Будет награда по Вере.

Что вспыхнет в конце тоннеля,
Луч самой высшей юдоли.
Но вдруг появляется Гедель,
Бекар за нудным бемолем…

О Царе в головах

Пыль падежей ознобно-горяча,
Пересекаясь, высекают буквы искры.
Скрипят извилинами мысли,
Всегда чему-нибудь учась.

Нейроны обрекают падежи
На поиск новых звукоформных очертаний,
И если б не образованье,
Не обозреть бы рубежи.
Неописуем буквенный оскал
От драйва разных буйноцветных сочетаний.
Звенит кислотное камланье
И держит алкоголь накал.

Все есть, но нет лишь в головах царя,
Царя – властителя всех высших дум и знаний…
И головы плюются бранью,
Выбрасывая зла заряд.

2004 г.

Сладкая греза Чайковского

Наяву, не в грезах греза,
В двадцать первом веке грозном,
На ветрах, не зная штиля,
Меряет за милей милю.

Буруном вскипают волны,
Корабли от качки стонут,
Далеко им до причала,
Греза, отгони отчаянье.
Отгони соленый привкус,
Страх из потаенных мыслей,
Скрип отвязанной оснастки,
Греза, отгони ненастье.

В дни волшебного бесстрастья,
Грезы были чище, слаще,
В нотах детского альбома,
В стенах дедовского дома.

Сохрани свой вкус и в веке,
Стань отметиной и вехой,
В двадцать первом от рожденья,
Вечной жизни без сомнений.

2004 г.

Смена Платоновского месяца

Прецессия – явление, при котором момент импульса тела меняет своё направление в пространстве под действием момента внешней силы.

Подобное движение совершает ось вращения Земли, что было отмечено Гиппархом как предварение равноденствий. По современным данным, полный цикл земной прецессии составляет около 25 765 лет и называется Платоновым годом.

Рубеж преодолев незримый,
Переместилась мира ось,
Чтоб новые вдохнуть в нас силы,
И победить надеждой злость.

Всего лишь поменялся месяц
Длиной в две тыщи с лишним лет.
Он нелокальностью освечен,
И квантовый дает нам хлеб.

Две тыщи лет нас призывают
Вкусить его еще вчера…
Но избранные точно знают —
Ждет каждого Фавор гора!

Единый миг там год Платонов
Прислушайся, уж вышел срок,
Коль нелокальностью затронут,
Не станешь выбирать дорог.

Вкусив романтику свободы,
Познав просторы парадигм,
Забудешь сумрачные годы,
Догматы из отживших книг.

И Баховский аккорд надмирный
В душе ожившей зазвучит!
Вольет он новые в нас силы,
А все сомнения затмит

2003 г.

****

Осталась Рыбам Грусть на кончике пера,
Две тысячи лет с лишним вражды и суеты.
Две тысячи лет с лишним дорогою из сна
Не шли, ползли из фарисейства тьмы.

Перо в эпоху Рыб – не карандаш, не ручка,
Компьютер и оргтехника опишут судный день,
Но нет в них крика птичьего, мне ж без полета скучно,
А игры электронные уводят душу в плен.

На кончике пера остались Пушкин, Лермонтов,
Ведь в наши думы свет их перья принесли,
Все б по иному мы и думали и делали,
Когда бы души эти в Россию не пришли.

На кончике пера остались письма – радуги,
Когда-то их полет нес солнышко в февраль,
Но перьев нет уже, и близких мы не радуем,
И в телеодиночестве вбираем века хмарь.

На кончике пера, на деревянной ручечьке,

Простого, ученического, номер восемьдесят шесть,
В другом тысячелетии, с другой судьбой и участью
Осталась наша Родина, а всех потерь не счесть.

2000 г.

***

Я стык веков прочувствовал не датой,
Не календарным измененьем цифр,
А рубежом надежды и утраты,
В нем день вчерашний превратился в миф.

В преддверье торсионных технологий
Хотелось мне увидеть микро-спин,
Нейтрино, электрон, мюон потрогать
И ощутить в них квантовый трамплин.

Хотелось избежать свободы века,
Пришедшего с реликтовой волной,
Хотелось мне гордиться человеком
И быть всегда в согласии с собой.

Страшна свобода от Законов Бога,
Пришедших с Вифлеемской стороны.
Свобода мыслей – в никуда дорога,
Как власть толпы, в которой все равны.

В структурности любого построенья
Лежит иерархический закон.
Его не замотает спин сомненья,
Ему не страшен липкой моды звон.
Ревизия простых Библейских истин,
Как СПИД для человеческой души.
Прощенье в покаянье, а не в мысли,
Гордыня душу растоптать спешит.

Во всём, всегда Христос пребудет с нами,
Ведь нет ни в чём предела для Творца…
Мы ж несвободой Веры души правим
На острие тернового венца.

2003 г.

***

Вчера эпоха перемен
Настигла наши судьбы,
Сердца схватила, души в плен,
Чтоб жили они всуе.

И постиндустрии плоды
Дает всем вместо манны,
Чтоб в вере не были тверды,
Идти на шопинг манит.

Смущает прелестью биде,
Машинным блеском мыслей,
Твердит, внушая – быть в беде
Тому, кто независим.
От суеты рекламных фраз,
Постыдных и постылых,
Не внявшим лидеров наказ,
Христу отдавшим силы.

Грядет эпоха перемен,
Но лишь для слабых духом,
Любви и вере нет замен,
А золото к разлукам.

Не стерпит поклонений Бог
Кумирам и тотемам,
Оккультных не простит дорог
И мыслей переменных.

Один лишь путь – он дан Христом,
На нем жизнь не напрасна,
Путь тот – дорога в Отчий дом,
К заветному причастью.

2003 г.

F63. 9 – номер любви в реестре заболеваний

Безумство, любовь…

Безумство, любовь, кто враги,
Но как им в груди разминуться…
Ведь их расставанья шаги
Уводят в уныние грусти.

Безумия злобный оскал,
Бездонный, как сумрачный кратер,
Пустячных мгновений накал
Возводит в абсурдность утраты.

Утраты из завтрашних дней,
Из снов, где в шагах циферблатных
Предчувствие скорбных потерь,
Отчаянье боли и краха.

И все ж без безумства любовь
Пресна и уныло бесстрастна,
Ведь чувства бескрайнего новь
Над разумом будет не властно.

Любовь и безумство одной
Медали, нет – ордена лики.
Безумно влюбленный – герой,
А не занудливый критик.

Любовь и безумство – уход
Из блекло—туманных продлений,
Решительно сорванный плод,
Без вздохов, рефлексий, сомнений…

Любовь и безумство крыло,
Влюбленного лебедя в белом.
Неважно, мело, не мело,
Страсть рушит сомненья пределы…

2010 г.

У дев не параллельны ноги

И вдруг я понял – ноги дев не параллельны,
То два луча, луч третий мы,

Посылы фрикции линейны,
Как стрелы крепкой тетивы.

Дана рожденьем точка вечного отсчёта,
Мы из неё выходим в свет,
Рвём пуповину пред полётом,
Чтоб стать причиной своих бед.

Но возвращаемся упорно мы к истоку,
Собой разнообразя жизнь.
Инстинкт неистребим и точен,
Лишь он родит прогресс и мысль.

И не вдаваясь в словопренье словоблудья,
Откинув пуританский взгляд,
Мол, жизнь продляя – душу губим,
Пред случкою пушим наряд.

Та наша часть, что Богом отдана природе,
Живет законом бытия.
У дев не параллельны ноги,
И вертится ещё Земля…

Лучший друг человека не женщина – собака…

Все замкнулось одной минутой,
Поглотила реальность небыль,
Словно в этом лете и не был,
В этом лете обманно-трупном.

Поменялась на зиму осень,
Усмехнувшись кривым минетом,
Отголоском хмельного лета,
Чтоб повесить бельем вопросы.

Чтоб в похмелье загнать все мысли,
Запорошенные изменой…
Здравствуй, водка и пиво с пеной,
Видно в лете я том был лишний.

2008 г.

Как долго нас мучит агония страсти

Как долго нас мучит агония страсти,
В преддверье бесстрастья сердца рвет на части.

В преддверье разлуки с промчавшимся летом,
С зависшим в безмолвии снежном ответом.

А где-то на росах ушедших, весенних,
Иные минуты, иное веселье.
Там жар от сердец был теплее и суше,
Но мы его зимним отчаяньем душим.

Нас тянет погашенных углей надежда,
Но мы уж не там и не тут, где-то между.
В придуманном, но не продуманном лете,
В котором и Солнце не так как-то светит.

Там кровь не бежит по растерзанным венам,
Там все не стабильно, там все переменно,
Там киснет в безмыслье разжиженный разум
И копятся силы порвать с прошлым разом!

2009 г.

Как сумо два борца на татами любим

Мы с тобой – в виртуальном баре,
Просто трусим тусить в реале,
Мило обмениваясь словами…

Мы с тобой – в виртуальном баре,
Как сумо два борца на татами,
Любим, но не можем любить. Сами

Кармы своих колесниц крутим,
Но что же накрутят в судьбу трутни,
Вот отчего путь наш так труден…

Чувства клином врезаются в мысли,
А что за мысль, когда в ней нет смысла,
То тормозит, то мелькает быстро…

Будущее, как лед, сверкает,
Искрится, тает, перетекает
В ненасытное прошлое. Каин,

Живущий во мне уже продал
Все мысли мои и проповеди
Да пропади все оно пропадом…

Мне не быть уже идеалом
Даже по абрису, по овалу…

Это не мало, когда как попало

Выглядишь на исходе дорог,
И верно, на нас уж не смотрит Бог,
Но и не видя, Он достаточно строг…

Мы на пути в поисках двери,
А в пути неизбежны потери,
Пусть потеряем друг друга, верим.

Верим, что за дверью вершина,
Хоть путь этот мы, не завершили,
Многие тернии сокрушили…

Мы теряя находим силы,
Память в сердце нести до могилы,
Пусть виртуальный, но очень милый…

Твой образ, пропитанный морем,
Киприотской соленою пеной,
В вирте прощаются все измены…

Мы с тобой в виртуальном баре,
Поиграю тебе на гитаре,
Перед тем как в сети будем тралить…

Дорога на Орлиные скалы

Мы в знойный полдень поднимались в гору,
Чтоб рассмотреть ущелие Агуры,
И я почти уверен был в ту пору,
Подъемов вместе ещё много будет.

Хоть и мелькали смутные сомненья,
Но надо было удержать дыханье,
Когда идешь к вершине, не до мнений,
Бодришься, чтоб не слышать нареканья.

Мы шли, чтоб с скальной высоты обрыва
Увидеть как парят орлы в ущелье,
Чтоб в цифре это замерло красиво
И верили – чрез день, через неделю

Мы этой же тропой пройдем. За руки
Держась, чтоб единить дыханье с пульсом
Сердец, так долго бившихся в разлуке.
И оба дорожили этим курсом,

Что был проложен нами по указке,
Пускай не Бога, просто Высшей Силы…
Сияли Небеса, мы шли по сказке
И рады были своему бессилью

Пред чьей-то волей, в гору подтолкнувшей,
Преодолевшей «не хочу, не буду»,
Вдохнувшей позабытые уж чувства,
Прорвавшейся сквозь всяких табу груду…

Но полдень тот, увы, не повторился,
Не выпало даже минут прощанья,
В лазурном небе лайнер растворился…
Увы, надежды нет на обещанья.

Вот так случилось, что поверив слову,
А то, что будет завтра, не предвидя,
К превратностям мы не были готовы,
И стали во главе угла обиды…

Но не затем я вспомнил эту гору,
Волнует нашей жизни эфемерность.
Ждешь радости, а в дом приходит горе,
И штормовой волной грядут измены.

Измены, перемены, шторм, болтанка,
Никто ни в чем уверен быть может.
Что следует считать надежным главным,
И кто успехи жизни подытожит…

Но как бы ни крутила дней воронка,
Мы постоянно на пути к вершине,
Да, нет у нас свершений в жизни громких,
Но сильно тоже мы не нагрешили.

2011 г.

Эхо Гумилевского Чада

Наяву ли, во сне мы бродили вдоль озера Чад,
Где изящный жираф нам на память оставил следы,
В антилопу влюблен, несказанно жираф был нам рад,
И при встрече тебе подарил он цветы.

А в ветвях попугай что-то громко жирафу кричал,
На своем языке изъяснялась та нервная птица,
Безупречный жираф толерантно пред птицей молчал,

Бузупречен жираф иль таким он нам снился.
Только взгляд антилоп невозможно увидеть во сне,
Что поодаль от озера, мирно вздыхая, пасутся,
Элегантный жираф, элегантней еще при Луне,
Антилопы же в ночь, убегают, несутся…

Так и ты от меня антилопою таешь в ночи,
Забирая с собой все надежды мои без остатка…
Попугай – пересмешник любую судьбу прокричит,
Оставляя со мой только горький осадок.

Попугай ли, жираф, мы в озерно-пустынном краю,
Кто пред кем и всегда здесь на озере был безупречен,
Как еврейский портной, я все время чего-то крою,
Но чтоб я бы ни сшил, ни скроил, я тобою помечен…

2012 г.

Расширим горизонты до трех кур

Расширим горизонты до трех кур
И грядки с огурцами и редисом,
Зато над нами небо будет чистым,
И вместо кофе будем пить лазурь.

Расширим горизонты до плетня,
Зато в ночи деревни видно звезды,
Они нам улыбаются, возможно,
Улыбками из завтрашнего дня…

Расширим горизонты лишь до той,
Напомнившей мне, о себе забывшем,
И бывшим в этой жизни тупо лишним,
До встречи с ней, с несбыточной судьбой…

Расширим горизонты до трех кур,
Расширим горизонты до плетня,
Расширим горизонты лишь до той,
До встречи с ней, с несбыточной судьбой…

2009 г.

Лорелея

«Поэт, а слово долго не стареет,
Сказал: «Россия, Лета, Лорелея…»
Россия – ты и Лета, где мечты.

Но Лорелея – нет! Ты – это ты»
В. С. Высоцкий, «Маринка! Слушай, милая Маринка!»

«Все перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Все перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея»
О. Э. Мандельштам, «Декабрист»

На закате, на высокой скале Лорелеи, нависшей над Рейном, появляется прекрасная девушка-русалка. Сидит она на берегу, расчесывает золотым гребнем длинные золотые волосы, и поет печальную песню, да так прекрасно поет, что никакой рыбак, проплывающий мимо, не может остаться равнодушным. Забывает он обо всем, бросает весла и только смотрит туда, в вышину, на вершину скалы. Зовет его девушка, манит к себе, и вот уже водоворот подхватывает лодку и увлекает в темную глубину…

Лорелей, Лорелея, Лета…
Не в России утес, на Рейне,
Что волнует в Лоре поэтов,
Чем она зацепила Гейне.

Леонора, Лаура, Лора,
Кто ты нимфа, сирена, демон…
Катит Рейн свои воды в море
Мимо в выси сидящей девы.

Первым вспомнил о ней Бретано,
Оживил все и слил воедино,
В память всем подутесным драмам,
Дали именно это имя.

Звали девушку эту Лора.
А «in Lei» – на горе, лишь значит,
Что сирены приносят горе,
Утонувший уже не плачет…

Погруженный в тревогу песни,
Полоненный дикой тоскою,
В ожиданье признанья – лести,
Ею будет он упокоен.

Разойдутся круги неспешно,
Все поглотит реки пучина…
Сказки той орфейная внешность,
Лишь сомнений нам даст морщины.

Мандельштам Лорелею вспомнит,
С ней Высоцкий судьбу торопит,
Видно нету дороги кроме,
Лореально – смертельной топи…

2010 г.

С видом на Страсбург

Не тату и не граффити,
Лет последних орнамент,
В небе дымчатым трафиком,
Через Европарламент,

Через кнопки компьютера,
Постполетным крещением,
В предрассветной тьме утренней,
Как залог всепрощенья,
Наших жизней несложенных,
И обыденно грешных…
Да, все было восторженно,
Хоть порой слишком спешно.

Из эдема изгнание,
Не сломило надежды,
Шаг прямлю к испытаниям,
Перемен чуя свежесть…

Только зря – все утрачено,
Червь сомненья причина,
Раной в сердце заплачено,
И глубокой морщиной…

Обрамленьем, орнаментом,
Не украсить уж шалости.
Ты у Европарламента,
Я в забвеньи усталости…

Т. С

Хочу поздравить первым пред рассветом дня,
Что Днем Рождения твоим зовется,
Пока еще он спит, пока он не проснется,
Не разгорится, поздравленьями звеня…
Я тоже кину в мир всю трепетность восторга,
Что прочно поселился в моем сердце.
При мысли о тебе оно замрет и вздрогнет,
И зазвучит как радостное скерцо.

Ты часть симфонии, надеюсь что не кода,

Трехдольная загаданность, круженье…
С тобою я вкушаю радость плода,
Не ведая терзанья ли, смущенья.

В союзе нашем главное – звучанье,
Гармония без тени диссонанса,
Сокрытое, но сущее венчанье.
В нем страсти без надрыва, как в романсе.

И хочется мне верить, что ты видишь тоже,
Бездонность сути нашего союза,
И думаю, что не должна тебя тревожить
Расхожих пустяков бессмысленная стужа…

Поверь, что в глубине меня, под скерцо[1] звуки,
Есть много разных слов и пожеланий,
Их можно прокричать под фейерверка глюки,
Но я надеюсь, что они ясны «по-умолчанью»…

[1] Скерцо (итал. scherzo – буквально «шутка») – часть симфонии, сонаты, квартета или самостоятельная музыкальная пьеса в живом, стремительном темпе, с острохарактерными ритмическими и гармоническими оборотами, в трёхдольном размере.

И гражданин, и поэт…

Дети межконфессиональных браков

Гладь песка сливается с гладью воды
Чуть заметно вспенными ласками.
Напряженье предштормовой тишины
Не озера, но и не моря – Каспия.

Там, в далекой от берега глубине,
Вперемешку с нефтью, икрой и прочим,
На скально-каменном, просоленном дне,
Арабо-исламские пророчества…

И постигают их, живя у воды,
Азербайджанцы, дагестанцы, персы,
Казахи, туркмены… Нефть, икра за труды…
Но случаются средь и иноверцы.

Дети межконфессиональных браков,
Уже не варяги, но и не греки…
И ставят всю жизнь их прилюдно раком
Мулла и поп за рожденья огрехи.

Вот, например, – мать православной веры,
Вышла замуж по велению муллы,
А взрослая дочь от отца еврея…
Душа преисполнена чувством хвалы.

При правильном выводе – акт примирения,
Консенсус – говорил один из вождей,
Но каждый знает, без тени сомнений,
Что его вера значимей и важней.

Еще важней обычай – эквивалент
Договора купли-продажи жены…
Все это довольно обычный момент
Для коммунистов нашей с вами страны.

Часть которой по сей день вкруг Каспия
Глушит осетров, чтоб скопить на калым.
Какие с купленной могут быть распри,
Торг, базар разгоняют иллюзий дым.

Но проходят годы и что-то мучит,
Каплей капая, душу точит, рушит…

Не впрок калым за дочку полученный,
Нет покоя ни днем, ни в ночной тиши…

Но всем плевать, сама себя продала,
Не зря ее в мечеть к мулле водили.
Не закусить российские удила,
Сама расписалась в рабском бессилье…

Вот взял человек и отравил себя,
Невольно свершив дважды убийства грех.
В менталитет чужого мира войдя,
Сожгла все мосты, не оставила вех.
А бедные почки борются с ядом,
И в душе нет ни мира, ни покоя…
За окном мулла, будто над ухом, рядом,
И идут хиджабы унылым строем.

За покорность каждой сполна дадено,
Но это их мир, нельзя по-другому,
Доля жен с рождения отравлена
Травит мать дочь, чтоб загнать себя в кому.

Чтобы в коме той ее дочь простила,
Отпустив не то к Павлу, Аллаху ли,
Чтобы дочь простив, получила силы
Свою дочь травить и жить со страхами…

2009 г.

Предолимпийская эклога

Жизнь трупно строящегося города,
Раскинувшегося вдоль моря,
Хоть, видимо, в этом его и горе,
Не располагает к эклоге.
Только надо быть к себе строгим,
Чтобы не запустить в душу голода.

Голода, порожденного пустотой,
Пылью вечно смердящей стройки.
Ад – это не Рай, в нем надо быть стойким.
В беде силы крепит надежда,
И чтоб не покинула нежность
Сердца, душу надо согревать мечтой.

Мечта же Сочи – синоним эклоги,
Овал пасторального лета,
Наполненного не пылью, а светом.

Покой изумруда зелени,
В ней все величаво, медленно…
Не гнетут предолимпийские сроки.
В ней горлицы предрассветную песню
Поют на обжитых уж ветках,
А не мечутся, как кеноры в клетках,
Ища рощи порубленные,
«homo» гордыней сгубленные,
Что спортом жизнь бодрит свою пресную…

Пресную, но не для горлиц – для «homo».
Для всей живой Фауны, Флоры
«homo»спорт страшней, чем торнадо, штормы.
Ибо отлаженное рушит,
Гонит из обжитого в стужу,
Засыпает пруды, озера, омут

На пути миграций гусей последний,
Цапель ли, лебедей ли, уток…
Звучит, верно, смешно, но не до шуток
Птице, преодолев пространство,
Не в воду, в бетон в конце странствий
Упасть крылом, днем зазывно-весенним.

И мысль, что много идей есть обманных,
Под светлый распев пасторали
Приходит. Только едва ли в спортзале,
Где шайбу гоняют с азартом,
В безумстве подумает зал тот,
Что птицам озера нужны, не ванны.
Комфорт, увы, пятизвездный для многих
Значимее даров природы,
Быт на лоне – хуже любой невзгоды,
Жизнь Фауны им неведома.
Везде должны быть дома, дома…
И асфальтированные дороги.

Вспомнилось чудо – печь русской постройки,
На ней Емеля, ушат, щука…
Была в этом мудрость – жизни наука,
Ибо бизнес не лучше печи,
Ведь лежа душу легче лечить,
А на боку пред соблазном быть стойким.

Рядом за границей, почти условной,
Цветет Пастораль – стагнация.
Там считай вся абхазская нация
Коровок, козочек, овечек,
Запивая вином, на встречу

С будущим идет, вне нашего слова.

Наше – символ техногенного взрыва,
Все живое сметающего,
Ни в чем, никогда не кающегося,
Прикрытого «высшей» задачей.
Но деревья ведь тоже плачут…
И нет оправдания для порыва,
Ибо им ход эволюции сломан.
Революции ж мы проходили
По горло в крови репрессий, как в иле.
Вроде как выбрались, но куда,
Не грозит ли бОльшая беда
Нам. Все катится под гору комом…

С виду дворцы пирамидам подобны,
Что встали на месте низменном,
Многие будут тут с выгодой, призом.
Другие слезой лишь омыты,
Не будет им даже корыта…
Ведь изгнаны даже мысли скорбные.

Зато субтропиков леденение
Требует мощь холодильную,
Вожди и прочие Мира сильные
В них тела заморозят свои
На века, чтоб дождались те дни,
Когда появится оживление…

Это, конечно шутка, не более,
Тут у нас не долина мертвых,
Не праздник Пасхи, воскрешенья – спорта.
Мировой турнир по откатам.
Это овцы в лучах закатных,
А тут распилы под Олимпкровлею…
Многомиллиардная веселуха,
Грекам и не снилось такое,
Хоккей, биатлон в Средиземноморье,
Забавы совсем не пастушьи,
Тут все по-серьезному – суши
Откушай под брендом «Рис», и спокуха.

Ностальгировать о былом не стоит,
Водоемы уже в бетоне.
Духа не было, потому не сломлен.
Нет одного восприятия,
Для выгоды каждый объятья
Свои, не раздумывая, откроет.

Зависает вопрос – какая реальность
Сегодняшнего дня нам ближе…
Эмическая[2], в ней легче всем выжить,
Но физически. Вне этики,
Вне осознанья конкретики,
Над всем доминирует в ней брутальность

Альфа-самцов, вне лубка пасторали.
И болот туман не уместен,
Растоптанной, изгнанной жизни вестник,
Как мираж из сна вчерашнего,
Не закопанного, страшного,
Нивелирующего все морали,
Религии ли, как ни обзовите…
Попы своего не упустят,
Они, как Христос, не поселятся в кущах.
Им за полмиллиарда храмик
Строят, чтоб вопили в нем «амен»,
И кадили чтоб в президентской свите.

Опять вопрос, как с гуру другими быть,
С Иудаизмом, Исламом, прочим,
Иль не конфессии, так – заморочки…
Получается не по-пацански,
Попам с их крестами-цацками
Карт-бланш, а этим в Сочи не потусить.

Впрочем, потусить тут светит не многим,
Это вам не лужок и овечки,
Отзвенел пасторалью прощальный вечер…
Новый век как предвестник драмы,
Проход по пропускам чрез рамы-
Миноискатели. Это не слоган,

Это картина каждодневных буден,
Страна охранников, ОМОНа,
Просвечивают каждый файл и домен…
С народом проблема у Власти,
Ну не делится на всех счастье,
Процесс дележки неимоверно труден.
Ну зачем стране, где есть нефть, граждане,
Нужен один царь – император.
Милость его будет выше зарплаты.
Царь, Патриарх, скипетр, кадила,
Неужели это не мило…

[2] Эмическая реальность: единое поле мыслей, ощущений и чувственных впечатлений, которое придает упорядоченность и смысл нашему непосредственному восприятию; парадигма, или модель, которую люди создают при помощи речи и других символьных систем; культура данного места в данное время; семантическая среда. У каждой эмической реальности есть структура, которая накладывается на первичные переживания.

Еще нагайки, казаки, стражники.

Ну и чем не пастораль, эклога ли,
В кубанском мировоззрении,
Не отягощенном мукой сомнений
И стоящем на черепахе…
Казак – это не просто пахарь,
А эксперт искусства и прочей логики.

Какие картины смотреть глумливо,
Словно цензор указывает,
Нагайкой своею показывает,
Что «любо» ему, что «не любо»…
Сравнение просится с дубом,
Но пред нагайкой усмехнусь лишь криво.

А память рисует поля с капустой,
Что раньше засевали в зиму,
Метелей нет, но посевы вымело.
Может и к лучшему все оно.
Распознать бы, где верх, а где дно,
Но отчего-то тревожно и грустно…

В преддверии зимней Олимпиады в Сочи

Я с детства не любил одические рати,
С годами ж в голове не стало истин,
В ней сквозь запреты, убежденья, мысли
Агностиком прокладывался трафик.

Казалось, не проснется уж пассионарий,
Точней, я думал, что во мне он умер,
Иль вымер, как забытый всеми шумер,
И было вовсе не до Од и Арий…

Одни унылые вопросы выживанья,
Зависшие в туманностях ответов
Из ЖэКэХа о стоимости света,
Воды… Прислушиванье к замиранью

Уж десять лет стучащего в собесы сердца,
Боящегося лишнего волненья,
Гонящего прочь страсти и сомненья…
Но как-то вдруг пред мной открылась дверца

В Пространство – Время, мне неведомое прежде,
С иною парадигмою и мыслью,

Где нет попов, где не торгуют высью,
А воскрешают этноса Надежды…

Теперь в реалии. Сложилось как-то, вышло,
Что я стал жителем местечка Сочи,
Всем думается – круто, нет, не очень…
А впрочем, что закон, что жизни дышло.

Выводит к цели или в никуда кривая,
Или вывозит, так метафоричней.
Метафоры, слова – свобода, личность,
Но что случится и чрез миг, не знаем…

Вот потому и хочется Большой Идеи,
Что смысл вдыхает в наше есмь и в души.
Ведь заземленность сдавливает, душит,
Как реки без воды, они мелеют.

Идеи, выходящей за порог квартиры,
За рамочность «ячейки коммунизма»,
За путы, шоры ль разных прочих «измов»,
Ведущей к творчеству, любви и миру…

Итак, близ Сочи появилось чудо – «Айсберг»,
Средь тропиков светящаяся глыба,
Смахнуло снисхождение улыбок,
Лиц выраженья поменяло разом.

Ледовый храм – дворец между горой и морем,
Светящийся голубизной трехлистник,
Доселе недоступный даже в мыслях…
Как оказалось, и у нас умеют строить

Не только лишь хоромы для богатых русских,
Не только взятки брать, пилить откаты,
Но и мечтать порой в лучах закатных…
Бывает, что и в радости нам грустно,

Но грусть при виде «Айсберга» светла слезою,
Он, как экспресс на сельском полустанке,
Из тупика вдруг ставшим классной станцией,
Столицей Олимпийской, зимней, знойной…

Наперекор сомненьям все срослось, свершилось,
Впервые встретил Сочи фигуристов!
«Тулупы», «аксели» вживую, близко…
В восторге все «либелой» закружилось,

Рефреном радостным – свершилось, да, свершилось!

Ледовым, зимним, снежным стал наш Сочи,
Теперь его рифмуем с словом точим
Коньки и мажем сноуборды, лыжи…

Финал Гран-при ИСУ для «Айсберга» стал тестом,
Предолимпийским стартом в Возрожденье,
Уверенностью твердой, а не мненьем:
«Оно придет с Олимпиадой вместе»!
Мне повезло, я был на первом награжденьи,
Под крышей, что была предметом теста,
Судьбой подарено мне было место,
Подарен Гимн и переосмысленье.

Седьмого декабря раздались эти звуки
Под сводом «Айсберга», а я, не смея
Восторг слезы смахнуть, стоял немея,
Шепча: «Степанова, Ванюша Букин».

Мелькнуло, Гимном Храм – Дворец намолен будет
И очень важно, что звучал Наш первым!
Так повелось, всегда Русь в что-то верит
И это, верно, в нас всегда пребудет…

Пять колец пять петель удавок…

В центре Сочи деревья рубят,
Как заточены топоры…
Все под корень – нахально, трубно,
Дожил хам до своей поры.

На дворе монетарный шабаш,
Кто при деньгах, тот прав и смел.
Отодвинут в сторонку разум,
Он давно уже не у дел.

Заслонили откаты небо.
Не до Солнца, не до зари.
Экология, честность – небыль,
Не до сказок – руби, вали…

Расчищай небоскребам место,
Чтоб вместить весь содомский мрак,
Чтоб притворно, учтиво-лестно,
К нам подкрался Вселенский крах.

В головах топоров разруха,
Ну а праведник не в чести…

Лоты Сочи, за что вам мука,
Есть ли силы, чтоб крест нести.

Пять колец – пять петель удавок,
Олимпийской наживы бренд.
Ничего не дается даром,
Сыр для мышки, не хэппи энд…

2006 г.

Один из круга выход – в небо, как воздушный змей!

Невзгоды расстояний вереницею нолей,
Толпа овалов за обычной цифрой…
Вот ареал судьбы, чертящий циркуль,
Дозированно брызгающий спрей…

Безрадужно, дозированно брызгающий спрей,
Расплывчатые контуры овалов,
И сходу не поймешь, их много, мало,
Кто на иконе – голубь иль еврей…

Границу чертит, чертит циркуль. Средь лесов, полей,
По Магомету, Будде ли, Христу ли
И льются для калашникова пули,
Им наплевать – брей бороду, не брей…

Все сокрушающий, бог северных ветров – Борей
Напрасно студит головы безумцам,
Единороссы, депутаты, думцы
Закон об осушении морей

Принять готовы. Что тут думать, надо все скорей…
Опять же реки вспять не повернули?!
И копошится главной Думы улей,
Лоббируя желания теней.

Периодически свербит вопрос про мавзолей,
Но как его решать, когда не платят,
Не давит кнопку палец за зарплату,
Не давит, сволочь, хоть его убей!

Но что нам Дума, как сказал один знакомый гей,
Там множество латентных педерастов,
Не перейдут они на редьку с квасом,
Им виски под икорочку налей…

Один из круга выход – в небо, как воздушный змей,

Пускай на нитке, но над думской схваткой.
Порвутся старые меха с заплаткой,
И ничего не слепишь из соплей…

И сколько сериальных слез ты у ТВ не лей,
Окно кассира возвращает в будни,
В них каждый день невыносимо скуден,
Что бы кремлевский не пропел Орфей…

2009 г.

Лев в цирке мяса ждет, а не оваций

Что лучше – на сопле иль волоске,
Нет, верно, волос будет понадежней,
Его хотя бы не размоет дождик…
Зачем-то дырку крутит палец на виске.

Что лучше – застрелиться, утонуть
Или сразиться в русскую рулетку?
В стране, где даже трезвые с приветом,
Все четче видится чрез самогона муть…

Что лучше – пиво, бабы иль вино,
Иль это можно совместить все разом,
Но все по сути будет безобразьем…
А говорили, что-то свыше нам дано.
Что лучше – мегаполис иль дыра,
Ведь там и там всех косит дурь и водка,
За соткою идет другая сотка…
А на дорогах то менты, то мусора.

Что лучше – МВД или МО,
И там, и там в папахах генералы,
Толчки, параши, автоматы, нары…
А жрет страна уже сплошное ГМО.

Что лучше – пацифизм, патриотизм,
Кто виноват – жиды или шахиды?
Козе понятно, неруси – все гниды…
А в «колыбели революции» – фашизм.

Что лучше – Хонда, ВАЗ иль Мерседес?
Конечно, ВАЗ, он так привычен глазу,
Изгоним иностранную зараз…
А ВАЗ, как кот, молчит и нац. доходы ест.

Что лучше? Лучше жить, а не соплей

Висеть, рискуя каждый миг сорваться.
Лев в цирке мяса ждет, а не оваций…
А рынок для Руси отпадней, чем застой.

Заметки старого вегетарианца

Как раздобрели земляные черви
Под тосты поминального похмелья.
На серебре узоры черни,
А в склепах праздник новоселья.

Где жизнь, где смерть, где радость, где утрата,
Мы просто пища подземельной жизни,
А сколько было пустых страхов
Перед червивой этой тризной.

Мы все, как черви, поедая мясо,
Не проникаем в суть чужих страданий,
Нам колбаса – синоним счастья,
Животным – горечь и рыданья.

Как перед бойней в ожиданьи смерти
Коровы плачут горькими слезами,
Кто эту участь им отмерил,
За что им это наказанье.

И зря виним мы червя земляного,
Что поедает нас он с аппетитом.
Он не кормил нас для убоя,
Не убивал, чтобы стать сытым.

Завалены прилавки трупным мясом,
Мы не хороним, мы съедаем трупы,
И упиваясь кровью красной,
Кость варим для бульона к супу.

Не думаем, была ль душа в том теле,
Что стало антрекотом нам к обеду,
Душе не место в сочном тельном,
Есть все подряд – вот наше кредо.

Мы склепы, поедающие души,
Пусть братьев меньших, но взращенных нами,
Живущих с нами в мире, дружбе
И преданных для поеданья…

2004 г.

Мусоргский. Картинки с выставки

Над Москвою-рекой рассвет,
Только он на картинках с выставки,
Их небесно-пьяный Модест
В назиданье потомкам выставил.

Чу! Знаменный напев звучит,
В нотный стан по крюкам записанный.
Рвется он из мрака ночи
Сквозь попсовочное бессмыслие.

Эх, Борисы, Борисовны,
В смуте слезы, страх и отчаянье.
Плевать на чужие мысли,
Вам плевать на чужие печали.

Эх. Борисы, Борисовна,
Годуновы, Ельцины, прочие,
Жизнь всего лишь одна дана,
И другого в ней нет подстрочника…

Рассвет над Москвою-рекой,
Колокольного таинства россыпь,
Возвышенных звуков покой
И искринки на капельках росных.

2004 г.

А рыж Чубайс иль светел…

Да, у меня есть мненье,
Но я с ним не согласен,
Сковавшая все гласность
Сама источник трений.

А в замкнутой системе
С петлею энтропии,
Простою или в мыле,
Уныние по теме.

Топите печи чаще,
Дышите глубже, глубже,
От тел весь жар наружу,
Для топок спилим чащи.

Сожжем всю нефть и уголь,
Что прячет мать Природа,
Чтоб сохранить невзгоды,
Себя загоним в угол.

И обвиним Чубайса,
Ату его, к ответу,
Ведь ясно даже детям,
Кто автор этих фарсов.

Доверия нет рыжим,
Так нас учили предки,
Хотим дожить мы в клетке,
Нам без нее не выжить.

Страшит всех мир фотонный,
В нем мерности, смещаясь,
В пространстве растворяясь,
Мрак рушат монотонный.

А рыж Чубайс иль светел,
Или брюнет он жгучий,
Не хуже и не лучше,
Будь сам за все в ответе.

Удавки энтропии
Не избежать землянам,
Ни рощи, ни поляны
Не охладят стихии.

Лишь в глубине сознанья
Другая есть реальность,
Экстерриториальность
И надкосмичность знанья.

С ней вознесись к истоку
Законов и стихии.
Там нет ни энтропии,
Ни роковых цейтнотов.

2003 г.

Утром похмельным, с болью в затылке…

Ворох проблем пеленою кружится,
Словно снежинки на солнечном всплеске,
Пухлым сугробом на плечи ложится
Ворох проблем нескончаемым стрессом.

Страстью капканною в клеточном царстве
Цель доминантную душат проблемы.
Силой арканною в призрачном фарсе
Путь прикрывают незримые стены.

Цель отодвинута брендами пира,
Звоном бокалов, обильем закуски.
Чтим за столом не Творца, а кумира,
Всех уверяя, что это по-русски.

Любим по-русски, стакан наполняя,
В застолье угрозы не видим ни в ком.
Залпом, как водку, судьбу выпивая,
Явь застилаем несбыточным сном.

А утром похмельным, с болью в затылке,
Не зная, за что так судьба к нам строга,
Господа молим о новой бутылке
И просим прощение нашим врагам.

2003 г.

И эта лошадь пока в тумане

Нынче радость – уходят Змеи,
По восточно-астральным тропам,
Аргументно-весомым топом,
В гороскоп приглашая верить.

В ожиданье, что стук подковы,
Оживит скуку жизни тусклой,
Сжатой до величин корпускул,
И что ржаньем озвучит новость

Лошадь, конь! Не лошак, не мерин,
Даже мул не решат задачи,
Как, вступивши на путь удачи,
Его сделать спокойным, мерным…

Только надо копить терпенье,
В феврале лишь тот конь прискачет,
Он еще даже не маячит,
Лишь рождает в умах сомненья.

Мы ж пока календарь листаем,
Мол чего же там завтра будет,
Чем нас завтрашний день разбудит,

Развлечет нас какою тайной…

Пародистам!

Навряд ли па в парадном вас порадует,
и «Новый Свет» не «Парадиз» в Крыму.
«В» или «си» как оранжад оранжевый…
Апрель, в нем сакуры стоят в дыму.

Пародии же и весной не радуют,
к оригиналу зависть в них и злость,
читаешь, будто блекнет в небе радуга,
и запах свой теряет жимолость…

Теряет запах чистоты и свежести —
в пародии всегда второе дно,
у пародиста к ближнему нет нежности,
он словно тюбик с надписью «govno».

Готов измазать мысли и страдания,
обгадить трепет раненой души,
убить её стремленья и желания,
вонзить в нее злословия ножи…

Но наплевать апрелю на пародии,
и вишням на ехидство наплевать.
Для всех Весна поет свои мелодии…
Прости ж ты пародистов, Бога Мать!

Сонеты

Я чувствовал, что Слово есть

I

Я чувствовал, что Слово есть,
Оно же пряталось, таилось,
А я, растрачивая силы,
Искал его, из кожи лез…

Его не пишут в словарях,
Его нет в днях простых, кошерных,
Оно лишь в помыслах душевных,
И в потаенных от нас снах.

Пред ощущеньем жизни новой
Присев, подставим души Слову,
На разнотравиях весны.

И вмиг поймем, что не осмыслим
Надкупольно-надмирной выси,
И Мира вечной новизны.

II

И Мира вечной новизны,
Последнюю благословенность,
Пред шагом в выси нелинейность,
В мечту, что просветляет сны.

В владенья мерностей иных,
Чью сущность не постигнет разум,
Не думая, как в омут, сразу,
От перипетий дней земных.

От бесконечностей оковных,
От слов заманчиво условных,
Несбывшегося бытия.

От гордости автомобильной,
От бесполезности усилий,
От мрака завтрашнего дня.

III

От мрака завтрашнего дня,
Без Бога никуда не скрыться.

По осени кружатся листья,
Душа томится от огня…

Она пред выбором стоит,
На перекрестке бифуркаций,
Ей не до смеха, и оваций,
Душа пред выбором болит.

Чтоб данная свободы воля,
Определить сумела долю,
Без сонма из обманных слов,

Чтоб средь грехов не растворилась,
Чтоб обрела покой и милость,
И высшего постигла новь.
IV

И высшего постигла новь,
В момент свободы изъявленья,
Когда уходят все сомненья,
И наполняет все Любовь.

В тиши, среди чащоб она,
В безмерье синевы небесной,
В астральной страсти наших песен,
В которых не бывает дна.

Протяжной тоникой в миноре,
Прочь отгоняя быт и горе,
Летят чрез горы и моря…

И часть души летит в той песне,
Жаль, что нельзя лететь с ней вместе,
Ведь держит нас еще Земля.
V

Ведь держит нас еще Земля,
Не оборвать нам эти нити,
По одиночке или в свите,
Не убежать нам с корабля.

Незримым парусом гоним,
Фотоны, облекая в ветер,
На том или на этом Свете,
Корабль летит, и мы летим…

Кто у кого в каких оковах,
Кто добровольно, кто прикован,
Для послушанья бытия.

Роптать бессмысленно гордыне,
Всем наказанье за унынье,
И нераздельны – быт и Я.
VI

И нераздельны – быт и Я.
Я – симбиоз души и тела,
Души, которая прозрела,
Устав от общества вранья.

Ти Ви, газеты, Интернет,
Несут незримые оковы.
Ловцы душ чистых, светлых, новых,
Собою заслоняют Свет.

От истин свыше к нам сходящих,
Им плохо, если кто-то счастлив,
Всей суете наперекор.

И заперт ветер городами,
Чтоб их продуть – нужно цунами,
Чтоб совесть пробудить – укор.
VII

Чтоб совесть пробудить – укор,
Но он неуловимей эха.
И где тот указатель, веха,
И что он – нота ли, аккорд…

Откуда звук его придет?
Иль будет он не звуком, светом…
Но вот весна сменила лето,
Зим бесконечен хоровод.

Как прежде в спячке совесть наша,
И не востребована чаша…
Росли бы в небо города.

Для избранных апартаменты,
Друг другу разрезая ленты,
Все делят долю Господа.
VIII

Все делят долю господа,
Заев шампанское икрою.
Гламуру не до слез и крови,
Зачем они текут, куда…

Гламурный метросексуал,
Продукт столичности и денег,
Он и себя лишь ими ценит,
Держа улыбчивый оскал.

Не тяготит души работа,
Вся жизнь как праздник, как суббота,
Без тягот нравственных границ…

Фейерверк убогого мышленья,
Вульгарность – враг любых сомнений…
Не жизнь, а карнавальный блиц.
IX

Не жизнь, а карнавальный блиц,
В мельканье вспышек нет устоев,
Проходят карнавалы строем,
Но нет на них открытых лиц.

А можно ль от других скрывать
То, что само источник света…
В весельи не найти ответа,
Не селится в нем благодать.

Она в порыве покаянья,
И не помогут деньги, званья,
Постигнуть Истины печаль.

Пред самой главною дорогой,
Понять, что хоть грешили много,
Отец не может не прощать!
X

Отец не может не прощать!
Детей, вернувшихся из странствий,
Порой испуганных и странных…
Но ведь они же Его часть!

Он думает лишь об одном:
«Со мной сын на пути к спасенью,
День зимний станет вмиг весенним,
А прошлое забытым сном,

Когда вернется сын мой блудный,
Его грех станет неподсуден,
И будет посрамлен мой враг.

Хоть уж давно Денница изгнан,
Но всюду злобы его призрак,

А в блудных душах терпкий мрак».
XI

А в блудных душах терпкий мрак —
Гордыня не выводит к свету.
Одни укоры и наветы,
И скрыт от глаз спасенья знак.

В безверье можно лишь гадать,
Но и оракул тут бессилен,
Ведут от цели странствий мили,
Коль не живет в них Благодать.

И в Святки блюдце не поможет,
Гаданий путь трагично сложен,
Он всех заводит в никуда.

Спросившим отвечают тени,
Селя в них новый рой сомнений,
Чтоб длилась мрака череда.
XII

Чтоб длилась мрака череда
Под блеск сияний фейерверка
В бардак распахнутые дверки.
Топились в водке, чтоб года…

Шампанское, аперитив,
Красивые на вид коктейли…
Влекут, чтобы мозги хмелели,
Чтоб Он не смог их пробудить.

И тело душу заглушает
Злом из пропитых полушарий,
Чтобы жила лишь злобой дня.

Закрыты мерности и выси.
До них ли злобно-пьяной мысли…
Но всходит Веры, вдруг, заря.
XIII

Но всходит Веры, вдруг, заря,
София в нас ее рождает,
Безверье мудрость побеждает,
Чтоб не бежали годы зря.

Чтоб возвратившись в Отчий дом,
Смиренно встали на колени,
Презрев соблазны устремлений.

И поняли – спасенье в Нем!

Он радостно бежит на встречу,
И веселит деревья ветер,
Ласкает Солнца луч Весну.

Весну родившейся Надежды,
Что лучше будет все, чем прежде,
Что изживем из душ войну.
XIV

Что изживем из душ войну,
Навязанную нам Денницей,
Что жизнь не в автоколесницах,
Что ищущих Слова найдут.

Слова из самых главных книг,
Созвучных страждущей псалтири,
О том, чтоб души жили в мире,
Чтобы разлад их не постиг.

Чтоб в многомерности житейской,
Вела себя скромнее мерзость,
И обрела бы совесть лесть.

И средь рекламных изобилий,
Без страсти нравственных усилий,
Я чувствовал, что Слово есть!

15.12.07 г. – 01.02.08 г.

Эсхатологический ноктюрн

I

Для богатых место расчищая,
Падают под топоры стволы.
Под тревожный всхлип голодных чаек,
Под шуршащий всплеск морской волны.

Место под содомский мрак осенний,
Эсхатологический ноктюрн,
Место, где всем править будут тени,
В тусклом эхо монетарных дум.

Солнце скрылось от стыда за облаками,
И омыв слезою дней прошедших камни,
Лопнула любви последняя струна,

И отрывной нотою взывая,
Увела от пропасти, от края,
Потопная не смыла чтоб волна.
II

Потопная не смыла чтоб волна,
Чтоб всех не поглотило море,
Чтоб истиной не стал лишь сумрак дна,
Чтоб торжеством не стало горе,

Чтоб разорвав привычно-мерный ход,
Сияньем осветило души…
Блаженных много, не один лишь Лот,
И струн любви в них не порушить.

Сколько же племянников Аврамовых,
Фанатичных, чистых, праведно-грамотных,
Нужно, чтоб встала волна в накате.

В забавах, играх мелениума,
Лабиринт то Ницше, то Ленина,
Только это всегда некстати.
III

Только это всегда некстати,
Вечер тени бросает на утро,
Некто хвастает деньгами, статью,
Считая себя очень мудрым.

Лишь изгои – поэты нищие,
Свет Вселенской любви высокой,
Служат главной стихии – истине,
И ответственны каждым вздохом.

Псалтирь озвучила Давидовы псалмы,
Наполнив все Иерусалимские холмы,
Высокой жаждою духовного стяжанья.

Звенит в веках Голгофская струна,
Хоть кажется, что победит война,
По делу будет воздаяние.
IV

По делу будет воздаяние,
По псалму пятидесятому,
И не избегнуть наказания
Богачу, нищему, всякому.

Всем лгут грехи отпускающие,
Ведь «грех всегда передо мною»,
Господь прощает лишь кающихся,
Заплативших своей судьбою.

Добиться чтобы у Отца прощения,
Постигнуть надо высшее смирение,
Изгнать из сердца всех страстей борьбу.

Губит всех иллюзия свободы.
И впустую пробегают годы
Для ищущих вне Господа судьбу.
V

Для ищущих вне Господа судьбу
Свой путь и мера испытаний,
За деньги, золото ведут борьбу,
Чтоб жить в достатке, без страданий.

Жизнь – вечный кайф, когда всего полно,
А нет, так кража без сомнений.
Идет всё в ход – наркотики, вино,
Вся жизнь на пагубу влечений…

Амурным ангелом из утреннего сна
В нас поселяется цветущая весна,
Чтоб разорвать дум потаенных цепь.

И говорит, покайся, человек,
Чело твоё дано тебе на век,
Неужто в наслажденьях только цель.
VI

Неужто в наслажденьях только цель,
Давай расширим горизонты
И, распахнув небесной жизни дверь,
Запустим в небо мысли – зонды,

Чтоб ощутить в себе Императив,
Тот, что заложен в души Богом…
Сказал поэт, душа должна расти,
И не бывает её много.

В нетронутых лесах, в таёжной тишине,
Раскрыв навстречу душу солнечной весне,
За нас молится инок безгрешный.

И час расплаты, замерев, стоит,
Пред силою неистовых молитв,

Но немногим об этом известно.
VII

Но немногим об этом известно,
Что когда засвистят соловьи,
В небе пишется главная песня
Для клавира Вселенской Любви.

Чтоб под звук её принцип антропный,
Проникая в умы и сердца,
Оживлял в душах главные строки
И рождал веру в жизнь без конца.

Вера – это уверенность в невидимом,
Верим ведь «Метаморфозам» Овидия,
И праведник верою будет жить.

Кто с какой стороны у зеркала,
Кто с какою подходит меркою,
Кто с надеждой, кто кого-то корит…
VIII

Кто с надеждой, кто кого-то корит,
Кто локтями мостит дорогу,
Но чашу свою всем придется испить,
Высшие оплатив налоги.

Каждого ждет свой сад Гефсиманский,
Молитва пред судом Пилата…
И уже не до тусовок – танцев,
Лишь мысль: «Да минует расплата».

А, впрочем, не как мне, а как должно все быть,
Мужайся и, чтоб зубами стуча, не выть,
Выстели Верой свою дорогу.

И под крестом пусть не твёрды шаги,
Душу, не тело своё береги,
Ни на чью не надеясь подмогу.
IX

Ни на чью не надеясь подмогу,
Суждено нам в этом мире жить,
Омрачая радости тревогой,
По теченью или против плыть.

В временно-пространственной юдоли
Иль в конечной пустоте пути
О спасеньи преклонено молим

И не можем тяжкий крест нести.

Свыше кто-то нам пути разметил наши
И сказал, что каждый должен пить из чаши,
Не распадалась чтобы связь времён.

И нет вопроса: «Быть или не быть?»,
Вот твоя чаша, должен все испить,
Слуга ли ты иль под тобою трон.
X

Слуга ли ты иль под тобою трон,
Для всех восходит Солнце утром,
Всем нужен свет, еда и крепкий сон,
Богатым, нищим, глупым, мудрым…

Константы все заложены Творцом,
Чтоб принцип оживить антропный,
Чтоб быть подобием, Его лицом,
Чтобы пройти творенья тропы.

Мы – доказательство присутствия Его.
Он в капельках дождя, в кристалликах снегов,
В вещем сне, поэтике и прозе.

В озонном запахе весенних гроз,
В счастливом блеске потаённых слёз,
В бусинках росы на алой розе.
XI

В бусинках росы на алой розе
Музыка космических дорог,
Септаккордной грусти страх и слёзы,
Баховский надсуетный полет.

От прелюдии к надмирной фуге,
Той, что скрыта глубиной души,
Без скафандров потянулись люди
В безракетный мир ночной тиши.

И смертью смерть поправ, прорвавшись через страх,
Под фуги трубный звук нас в небо вывел Бах,
От пагубы стяжанья суеты.

Там ничего – ни денег, ни вещей,
Ни страсти дней пустых, пустых ночей,
Лишь постиженье высшей красоты.
XII

Лишь постиженье высшей красоты,
Лекарство от соблазнов жизни.
В поступках от рожденья все вольны,
Вот и бросаем судьбе вызов.

В тиши лишь слышно, как поёт звезда,
Как этот звук прекрасен, значим,
Не различая посланный нам знак,
Мы над чужой бедой не плачем.

Вокруг рекламный блеск зовет купить, вкусить,
Чтоб бесконечный стресс скорей заесть, запить,
Изгнав кредитные волненья.

Тут не до взглядов ночью на звезду,
Все мысли, как быстрее долг вернуть.
Но где-то ж есть Любви цветение…
XIII

Но где-то ж есть Любви цветение…
В лазурной глади тихой реки,
В глубинах небес, отражением
В душах, в сердцах её родники.

Любовь – исполнение закона,
Мы не творим зла ближнему,
Не обижаем делом ли, словом,
Никто вне Любви не выживет.

Чувство нездешнее, совсем неземное,
Все сердца каждый раз поражает новью,
Постиг Любовь – сразу на облаках.

Умолкнут языки, пророчества,
Затихнет словесное зодчество,
Любовь будет вечно живой в веках.
XIV

Любовь будет вечно живой в веках,
Всем даря милосердия свет,
А без неё – зла бесчинство и страх,
Лишь Любовию каждый согрет.

Как истине она всегда рада,
Чистый помысел ею омыт,
В сердце с ней оживает отвага,
Не страшны с ней гордыня и быт.

И всё ж вонзились топоры в кору стволов,

Где главенствует бизнес, бессильна Любовь,
Но вдруг чайки в небе прокричали:

«Эй, рубящий, опомнись и очнись,
Не дерево, ты рубишь свою жизнь,
Для богатых место расчищая».

2006 г.

Радость буден…

Ты думаешь, я далеко,
Но знай, ты под моим покровом
И прежнее тебя не тронет…
Ты с ним расстанешься легко!

Ты с ним простишься и простишь,
В прошедшем уж не будет сути…
Ведь души в чувстве не подсудны,
А ты Любовь в душе растишь.

В рассвете завтрашнего дня
Так много страсти и огня,
Что путь Любви не будет труден.

В нем радость отблесков зари.
И небо шепчет мне: «Гори,
Свети Любовью серость буден!»

2008 г.

Светлячки замигают маем

Светлячки замигают маем,
Словно души среди надгробий,
В тишине напряжённо-дробной,
Тайной вечности ввысь поманят.

Ночнички из Жизельной драмы
Осветят боль чужих трагедий…
В день сегодняшний – это бредни,
Но как стигмы сочатся раны.

Свет, мигающий тайной разлуки,
Рассыпает из фосфора лучик
Средь плывущих по ночи теней…

Но нет пламени, бликов, оттенков,
И не греет, не жжёт руки тлен тот,
И сокрыт от познания день.

2007 г.

А в альбатросовом кружеве…

Субдоминантой в хроматическом миноре
Иль тоникой мажорного начала…
Я выбирать аккорд судьбы не волен,
Не может луч весенний быть печален.

В додекафонии политики и смуты
Вне острова покоя и надежды
Аккорды – похоть, музыканты – слуги,
И каждый звук лояльно-гадко вежлив.

А в альбатросовом кружеве
Не до песен под ужин нам,
Уж нависла гребнем волна.

Мы ж в порт ворвемся как в тонику,
Штормы жизни не сломят нас,
Коль в душе камертон – струна[3].

2004 г.

В пергамент уж почти отжившей кожи…

В пергамент уж почти отжившей кожи
Завернута нежившая душа.
Что делать, кто душе поможет,
Куда прямить надежды шаг.

Как вырваться в зовущее блаженство
Из сумрака обыденной тоски,
От потребленья к совершенству,
Как оживить Любви ростки…

Душа обязана расти,
Чтоб множить свой императив,
Не слушая протест ума.

[3] Струна – упруго натянутая нить, издающая при колебаниях звук определенной высоты или черта, особенность характера…

Ну а пергамент – просто тлен,
Не долог его хрупкий плен,
Прах – в землю, души – по домам…

2004 г.

Чуть снежный иней на бутоне розы

Чуть снежный иней на бутоне розы
Остылым поцелуем пьет пыльцу
И тут же тает, цвет не заморозив,
Стекает каплями в росу.

Он красотой цветка ее питает,
Даря мечту, как в сказке у Перро.
Что будет завтра, Золушка не знает,
Смиренна, вот и повезло.

Да, тыква из кареты тыквой станет,
В тумане облака растая,
Отмеряли часы веселью срок.

Распалось все на мелкие пылинки,
Но есть надежда для росинки,
Ведь скороход уже надел сапог.

2004 г.

Двойник…

«Во мне давно живёт двойник,
и не один – сюжетных линий
клубок, и радуг хвост павлиний,
из бытия торчащих фиг…»
И. Волотов,
«Сонет»

С рождения во мне двойник,
Зигзаг моих сюжетных линий,
Оскал шакала, хвост павлиний
И скопище карманных фиг…

Как будто я, но вне метафор.
Он то садист, то Айболит,
А то кричит: «Стакан налит»!
Не разберешь он тормоз, трафик…

Во мне он летом и зимой,

Он даже в скинии, со мной.
Нет в одиночестве причастья…

Что это, память на двоих,
Безумства ли невольный штрих,
Или надмирной выси части…

Просто сонетик от лица дамы

Что с нами было – не пустяк,
Ты предо мной в любви был наг…
Пел, затмевая соловья,
Под трели я была твоя.

Водой нас было не разлить —
Хотелось сказку сочинить,
В ней, при сиянии луны
Бездонной явью стали б сны.

Но ветер осень вмиг надул,
Нет трелей соловья в саду.
Исчезли сказочные сны.

Как же дожить мне до весны,
Дожить до солнечного дня…
И помни, я навек твоя!

Винегретно-морковочный сонетик в порядке экзерсиса

Что лучше – быть сильней в стихах иль в жизни,
Что значимей – хорей или морковка…
Во всем нужны уменье и сноровка,
Но понимаешь только, глядя в призму

Прошедшей жизни, будто бы в уроки,
Что винегрет порою тоже значим!
Хоть голодом души пиит охвачен,
Для завтраков ему не чужды сроки.

Минуты наступают для поэтов,
Когда еда всего важней на свете,
Одним лишь кофе в ночи не продюжишь.

От голода не мысли – винегреты,
И к ним рифмуются одни котлеты…

Хоть кажется, что только Музе служишь.

Все мы немного философы…

В чем человеческая суть

В чем человеческая суть,
Что видно, что не видно глазу,
В чем отличительная разность,
Что держит, что толкает в путь…

За грех Адама наш удел,
В трудах добыча пропитанья,
А осознанье наказанья
Пеницитарный есть предел.

По сроку возникает мысль,
Глаза поднявши над корытом,
Понять, что было им сокрыто…
Да, надо чтоб постигнуть смысл,

Земной реальности тоннель
Пробить, не ведая сомнений,
Идя вперед, как Лот и мнений,
Воспоминаний вязкий гель,

Отринуть с ног, чтоб соляным
Столбом в дороге из Содома
Не стать, чтобы греховный омут,
Минуя, прорезая дым,

Понять, что мы не то, что здесь,
Что наша суть не в нашем теле,
Что жизнь земная лишь предверье,
И каждого ждет свыше весть…

Лишь осознав, что мы есть то,
Что не дано нам от рожденья,
Могильного избегнем тленья…
Вам не похвастает никто,

Что радости земных утех,
Что ценности земной юдоли
С собою взять был кто-то волен,
Что здешний Там помог успех.

Стать тем, что ценится не здесь,
Незримая, увы, задача,

Хоть этот путь давно оплачен,
Но так сомнителен успех,

Без атрибутов суеты,
Без орденов, речей, банкетов,
В лучах искусственного света,
В декоре мыльной красоты.

На баннерах висящий бренд,
Гламурно – агрессивной мысли,
Как вирус в постиженьи выси,
Устойчиво – вульгарный тренд,

Залог инертности души,
Ее безликости и лени…
Ужель без брендов не умеем,
Вот просто так пожить, в тиши.

Чтоб свой не догоняя хвост,
Кружить в бессмыслии собачьем.
В погоне у собак так значим
Азарт, но вот зачем? Вопрос…

2010 г.

Из Жванецкого

Накатила волной усталость,
Делю сорок на восемнадцать,
Бесконечной чредою встала
Двойка, выпавшая в остаток.

Ну не делятся эти сорок,
А в остатке лишь только двойки,
Бесконечным мусором, сором,
Это издали цифры – строки.
У Сизифа труд был отрадней,
За паденьем была надежда.
Даже с камнем можно поладить,
Камень может быть добр и нежен.

А цифра суха и безлика,
Своей неделимостью гложет.
Как сорок с судьбой разделить мне,
Деления тупость тревожит.

Все хочу отдать без остатка
Всем, кто жаждет хлеба и слова,

Но туп бесконечья придаток,
И делить начинаю снова.

А цифра суха и горбата,
Суровою периодикой,
Но только ль она виновата,
В своей безисходной логике…

В лабиринте

В лабиринте промчавшихся лет
Не слагаются хроносы в линии,
То подарят мгновенья счастливые,
То провалы из горя и бед.

Нам загадки дано разгадать,
Что сокрыты Пространством и Временем,
В лабиринтном цейтноте безверия
Суть антропного чуда понять.

Мы в цейтноте извечной игры,
В предполетном, предстартовом поиске,
Где гарантии – в церкви ли, в полисе…
Безответен прощальный порыв.

Игра в двадцать вопросов

Всего двадцать вопросов,
В бликах блеклого цвета,
Чьей фантазии россыпь
Не имеет ответов.

На вопросы – вопросы,
И советы, советы…
Не спеши ты к нам, осень,
Светит радуга летом.

А для радуги дождик,
А для дождика небо,
Мир под дождиком ожил,
Былью стала вдруг небыль.

В небе грусть зародилась
И вонзились в сознанье,
Веры новые силы

И сокрытые знанья.

Нелинейные схемы,
Парадоксы творенья,
Где пространство, где время,
Не имеет значенья.

Что за облако – лето,
Вдруг зависло над нами,
Не спешите с ответом
Им мы мир не исправим.

Мир спасен и потерян,
В каждом сердце есть раны.
Безразмерны потери
И смертельны все травмы.

Сколько было вопросов,
Может пять, может десять,
Тает облако – осень,
Стали взрослыми дети.

И ушли в мир бескрайний,
Где антропный жив принцип,
В мир без ада и рая,
Где находим, что ищем.

Но причем же здесь эти
Аш два О испаренья,
Где-то в квантах ответы,
Где-то в квантах стремленья.

Нелокальные страсти,
Надкосмичной стихии,
Рвут землян всех на части.
Кто найдет в себе силы?

Быть не облаком ватным,
Не росинкой искристой,
А защитником страстным
Надкосмических истин.

2003 г.

Мое кантианство
Категорический Императив Канта

Дела и поиски бессмысленны

Без осознанья главной истины,
Без ощущенья составляющей,
В нас нравственность, определяющей.

Коль нет ее мы суть животные,
Безгрешные и беззаботные,
Безвинные и неподсудные,
Для наказанья недоступные.

Но вместе с тем и тупо смертные,
Бездушные, как скунсы смердные.
Безлично, в стылости покорности,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.